

УДК 81'221

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК СПОСОБ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ХОДА МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Мишин А.В.

Актуальность. В произведениях русской литературы использование невербальных средств коммуникации традиционно рассматривалось исследователями как дополнительный источник информации. Так, чтобы осуществить глубокое проникновение во внутренний мир человека, показать "диалектику души", Л.Н.Толстой в своих произведениях часто прибегает к приему внутреннего монолога, насыщенного невербальными средствами коммуникации. Использование внутреннего монолога, наполненного невербальными средствами коммуникации, – одна из характерных черт его художественного метода. Заслуга Л.Н.Толстого состоит в том, что он сумел воспроизвести из форм внешней речи, т.е. речи, обращенной к собеседнику, внутреннюю со всеми ее лексическими и грамматическими особенностями и на ее основе построить внутренний монолог.

Постановка проблемы. Л.Н. Толстому при помощи описания невербальных средств коммуникации во внутренних монологах удается передать естественное, непосредственное течение мыслей, их дискретность, замедленность, порой бессвязность. Этим характеризуются не все монологи, а только те, которые связаны с эмоционально возбужденным психическим состоянием персонажа. В свою очередь, описание эмоционального возбуждения во внутренних монологах связано с явно присутствующими или подразумеваемыми невербальными средствами коммуникации.

Средством воспроизведения естественности, с одной стороны, и прерывистости синтаксического строя – с другой, являются, прежде всего, так называемые присоединительные конструкции. Именно присоединительные конструкции, существующие неотрывно от описания невербальных средств коммуникации, позволяют автору передать как процесс постепенного течения мыслей во внутренних монологах-раздумьях, так и резкие переходы, скачки мыслей в монологах, связанных с взволнованностью, смятением персонажа.

Например: "Какой он добрый, внимательный, как все помнит, – подумал он, глядя на старое лицо Савельича. – И *какая улыбка приятная!* – подумал он (Пьер)".

В синтаксических конструкциях с имплицитным использованием невербальных средств коммуникации присоединяемая часть представляет собой простое предложение: "Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче? – было первую его мыслью. – И страдания этого я не знал также, – подумал он." В данном случае в сверхфразовом единстве невербальное средство коммуникации подразумевается: князь Андрей, раненый, лежит на поле боя и видит небо. Этой его позой и физическим состоянием можно объяснить сбивчивость синтаксиса и ассоциативность смыслов в сверхфразовом единстве: князь Андрей думает о высоком небе, которого он "не знал", по ассоциации у него возникает мысль о страдании, которого он тоже не знал.

Здесь наряду с имплицитно присутствующими невербальными средствами коммуникации некоторую связующую роль играет модальное слово. Присоединяемая часть имеет

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК СПОСОБ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ХОДА МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

противительный оттенок при отрицательной форме сказуемого. Для передачи присоединительной связи в письменной речи большое значение имеет пунктуация, а именно постановка точки, многоточия.

Можно отметить, что наличие присоединительных конструкций несколько сближает внутренний монолог произведений Толстого с диалогом, где невербальные средства коммуникации подразумеваются как имплицитные ремарки, характеризующие позу говорящего.

Вот несколько примеров, взятых из диалогов в произведениях Толстого.

Степан Аркадьич заказывает кушанья: "Потом тюрбо под густым соусом, потом ростбифу, да смотри, чтобы хорош был. Да каплунов, что ли, ну и консервов".

Облонский о Левине: "Он очень *нервный* человек и бывает неприятен, правда, но зато иногда он бывает очень, очень мил. Это такая честная, правдивая натура, и сердце золотое".

Для создания естественных и непосредственных форм внутреннего монолога Толстой прибегает к использованию ряда синтаксических средств. Одно из них – введение в состав внутреннего монолога вводных предложений и словосочетаний с невербальными средствами коммуникации. Техника такого введения сводится к следующему: процесс течения мыслей персонажа обрывается, появляются какие-то неожиданные, вдруг пришедшие в голову замечания, мотивированные в тексте использованием невербального средства коммуникации, после чего продолжают прежние нити мыслительного процесса.

Например: "Он не верит и в мою любовь к сыну или презирает (как он всегда и подсмеивался), презирает это мое чувство..."

"Нет, что-то такое, что-то в гостиной было. Княжна Марья что-то врала. Десаль что-то, дурак этот, – говорил. В кармане что-то – не вспомню" (русское – «*фига в кармане*»).

Отрывок из монолога княжны Марьи, думающей об умершем отце: "Помню, как он заговорил про Лизу, как живую, – он забыл, что она умерла, и Тихон напомнил ему, что ее уже нет, и он *закричал*: "Дурак".

Но нельзя считать, что подобные сверхфразовые единства не связаны с предшествующими, напротив, они возникают по ассоциации с предыдущими. Большую роль при этом играет невербальное средство коммуникации, иногда употребление одного и того же невербального средства коммуникации и в предшествующем сверхфразовом единстве (предложении), и в следующем за ним попутном замечании выступает в виде связующего звена.

Средством, позволяющим Толстому воспроизвести естественные формы функционирования невербальных средств коммуникации во внутреннем монологе, является частица "да". Эта частица подчеркивает естественность речи и поведения героев. Именно во внутренних монологах персонажей романов Толстого часто присутствует утвердительная частица "да". Ее употребление передает специфику внутренней речи, в которой мысли человека быстро сменяются, возникает целый ряд всевозможных мнений, предположений, одно из которых затем признается правильным, разумным. При этом Толстой иногда не передает всего процесса мысли, но само употребление утвердительной частицы "да" есть ответ не на вопросы собеседника, а на свои собственные мысли.

Например: "Да что, бишь, меня мучает? – спросил он себя, отъезжая от генерала, – "Ильин? Нет, он цел. Осрамился я чем-нибудь? Нет. Все не то!". Что-то другое мучило его, как раскаяние. Да, да этот французский офицер с дырочкой. И я хорошо помню, как *рука моя остановилась, когда я поднял ее*".

Частица "да" может иметь различные оттенки значений. Во-первых, оттенок воспроизведения во внутренней речи персонажа чего-то ранее виденного или слышанного, той или иной картины.

Например: "Да, хорошо было. Очень хорошо. Много еще там было отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь".

Частица "да" может выражать значение итога размышлений персонажа. При перенесении смысловой нагрузки на невербальное средство коммуникации персонажем делается вывод из всех предшествовавших мыслей. В этом же значении употребительна и частица "нет".

Например: "... И он представил себе Вронского, счастливого, доброго, умного и спокойного, никогда, наверное, не бывавшего в том ужасном положении, в котором он был нынче вечером. "Да, она должна была выбрать его. Так надо, и жаловаться мне не на кого и не за что..."

Частица "да" употребляется и в несколько ином значении. Ее применение передает процесс воспоминания, стремление восстановить в памяти какие-то забытые мысли, при этом она обычно повторяется.

Например: "... Он проснулся в темноте, дрожа от страха, и поспешно зажег свечу. "Что такое? Что? Что такое страшное я видел во сне?"

Но все-таки частица "да" употребляется вне связи с имплицитными и эксплицитными невербальными средствами коммуникации, в основном в тех внутренних монологах, которые представляют собой более спокойные раздумья персонажей, те или иные размышления, воспоминания, а не непосредственные проявления эмоций, чувств.

Выводы. Итак, ясно, что роль частицы "да" велика, ибо ее применение является одним из средств создания естественных норм внутреннего монолога.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке Толстого//Литературное наследство. – 1939. – № 35-36. – С.80.
2. Кузнецов С.Н. Невербальные средства коммуникации в ремарке Чехова. – Л., 1985. – С.19
3. Лев Толстой и Стасов. Переписка 1878-1906 гг. – Спб., 1929. – С. 265.

Поступила в редакцию 22.02.2005 г.